

§ 13 ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Т.В. Владимирова

СЕТЕВЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК НОВАЯ «ФОРМУЛА СПАСЕНИЯ» СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

***Аннотация:** В работе предлагается развитие подхода к проблеме безопасности общества как устойчивости социального порядка в условиях нарастания девиации/варьирования. Анализ теории эволюции Н. Лумана, позволяет более глубоко увидеть роль девиации в судьбах современности. Идея автора заключается в том, что с появлением «семантической гипертрофии варьирования», система общества вырабатывает новую «формулу спасения» социального порядка, которая заключается в развитии сетевого коммуникативного пространства. Сеть имеет уникальное свойство – безгранично реализовывать потребность в Неотрицаемом. Полагаем, в этом смысле, можно говорить, что развитие сетевых коммуникаций «спасает» упорядоченность общества, локализуя аномию в виртуальном сетевом пространстве.*

***Ключевые слова:** безопасность общества, девиация/варьирование, структуры накопления и ускорения варьирования коммуникации, семантическая гипертрофия варьирования, сетевые коммуникации.*

Развитие и усложнение социальной реальности выражается в росте количества и разнообразия социальных ситуаций, ведущих, в том числе, ко все большему обобщению и нивелированию социальных норм и к росту самой проблемы нормирования социального пространства. В таких условиях индивид обретает все большую самостоятельность в определении собственных ситуаций. В результате, регуляция действия (поведения) в любом социальном образовании становится все сложнее. Растет разрегулированность социальных коммуникаций, что ведет к разладу различных социальной системы общества в целом. В контексте такого подхода, мы обращаемся к концептуализации проблемы безопасности общества как устойчивости социального порядка в условиях нарастания девиации как вариативности социальной коммуникации.

Современная цивилизация отягощена грузом нерешенных проблем, угрожающих самому ее существованию. Простое перечисление основных конфликтов и противоречий, угрожающих будущему мира, свидетельствует, что все они коренятся в отсутствии рационального согласования интересов индивидов, обществ, поколений, то есть в недоста-

точно высоком уровне рационализации социальной системы, отстающем от требований творческого, вариативного процесса усложнения коммуникаций, от различного рода девиаций.

Современность требует высоких темпов экономического и социального развития. В России сегодня на поверхность дискуссий и программ выходят понятия модернизации и инновации. Необходимость инновационного развития – общее место для многих современных текстов, посвященных анализу жизни российского общества. Социальные изменения, нововведения, скорость нововведений, формирование центров инновационного развития – ценности дня, реализация которых требует творческого потенциала личности, реализации прав и свобод, а значит, все большей свободы от структурных ограничений социальной системы общества. По выражению Н. Лумана, *все более важной становится потребность в Неотрицаемом*¹. Развитие современного коммуникативного пространства связано с ростом процессов демассификации и дестандартизации со-

¹ Луман Н. Эволюция. Пер. с нем. / А. Антоновский. – М.: Издательство «Логос». 2005. С. 66.

циальной жизни. Традиционная упорядоченность социальных отношений (или устоявшиеся механизмы социальных ограничений) необходимым образом должна отступить или видоизмениться, то есть выработать иной новый социальный порядок. Возможно ли это в условиях процессов глобализации, ведущих к смешению культур и к их гибридизации? Не приведет ли подобная дестабилизация существующих структур жизни к аномии или даже к катастрофе (самоуничтожению, в частности, нашего общества)? Где те новые коммуникативные генерации, которые призваны упорядочить новое состояние общества, воспроизводить социальное? В чем их специфика? Считаем, что сегодня необходимо формирование теории безопасности общества в предметном поле социологического знания.

Теория эволюции Н. Лумана в объяснении роли девиации в обществе

Как социальная система общества сохраняет свою упорядоченность в условиях нарастания девиации? Н. Луман объясняет социальную эволюцию как процесс возрастающей дифференциации коммуникации (социальных практик) с последующей рестабиллизацией социальных форм жизни. Рост вариативности коммуникации (девиации) служит условием развития социального порядка, но, с другой стороны, составляет основную угрозу распада социальной системы. Н. Луман считает, что система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключается в создании дополнительных структур ускорения и накопления девиаций, но всякий очередной раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации/девиации, опасность распада системы общества (контингенции) приближается.

Автор теории самореферентных систем² отмечает, что система общества сама должна уметь себя сохранять. Эволюция, прежде всего, означает возрастание числа предпосылок, на которые может опираться какой-либо порядок. Благодаря процессу самоусиливающегося отклонения от основ равновероятного распределения возможностей возникает порядок. От этого порядка с большей или меньшей уверенностью можно ожидать наличия таких позиций, субординаций, ожиданий, которые будут

зависеть от его структур. Таким образом, теория эволюции близка к теории ожидания полезных случайностей. Такое положение дела предполагает, прежде всего, наличие – способных к стабильности и/или к воспроизводству – систем, которые сами умеют себя сохранять и – ждать, что требует прерывания тесных (по времени) связей между состояниями внешнего мира и состояниями системы³.

С точки зрения Н. Лумана, отныне эволюционная теория использует совершенно иное различие, пришедшее на смену различию движимое/неподвижное. Она различает не сколько исторические периоды, а варьирование, селекцию и ре-стабилизацию. Таковы основные механизмы социальной эволюции, в которых варьирование и селекция обозначают события, а функция рестабиллизации, напротив – самоорганизацию эволюционирующих систем. В теории Н. Лумана девиация (она же отклонение, вариация, она же инновация) обязательно предполагает селекцию. Даже если девиация не является позитивной, все равно она имеет место в системе коммуникаций. В этом случае – связанная с определенными операциями – вариация «сходит на нет», не изменив структуры. Все остается таким, каким было. Отбору в этом случае подвергается предшествующее состояние – а не инновация⁴. Селекция представляет собой двухстороннюю форму – с выраженными позитивной и негативной сторонами. Ре-стабилизация – это последовательности встраивания структурных изменений в систему, операции которой осуществляются под воздействием структурной детерминации. В любом случае, позитивная или негативная селекция приводит к возрастанию «сложности» системы и, соответственно, последняя вынуждена реагировать на нее рестабиллизацией. По Н. Луману, эволюционная теория предполагает два различия – варьирование/селекция и селекция/рестабиллизация. Рестабиллизация является (системно нескоординированной) реакцией на случайность как на единство различия варьирования/селекции. Сопряжение этих двух различий дает возможность мыслить эволюцию как бесконечный процесс в необратимом времени, в котором всякая достигнутая стабильность – и по мере роста все интенсивнее – вновь предполагает отправные точки варьирования.

² Одна из известных работ Н. Лумана «Общество как социальная система», где он, развивая системную теорию Т. Парсонса, вводит понятие самореференции/инореференции социальной системы.

³ Луман Н. Эволюция. Пер. с нем. / А. Антоновский. – М.: Издательство «Логос». 2005. С. 66.

⁴ См.: там же С. 76.

Информационное обеспечение национальной безопасности

Позитивные и негативные селекции системы (или одобряемая/неодобряемая девиация) ставят и определяют проблему стабильности социальной системы. В случае позитивной селекции в систему должна быть введена новая структура. Результаты ее функционирования в дальнейшем должны пройти проверку на жизнеспособность. В случае негативной селекции система «потенциализирует» отклоненную возможность. Она должна жить вместе с этой отклоненной возможностью, хотя могла бы ее и использовать. Другие системы, возможно, ее уже использовали или могли бы сделать это в будущем⁵. Это отклонение может оказаться и ошибочным – и таковым оставаться. Отбор, следовательно, не гарантирует хороших результатов. Обратим внимание, что теория эволюции не является теорией прогресса.

Социальный порядок представлен в обществе структурами. Структуры, вслед за Н. Луманом, мы трактуем как условия ограничения в области допускающих подсоединение операций (коммуникаций). Структуры, повторяясь в различных ситуациях, конденсируют некое разнообразие смысла, которое не поддается точному определению. Они представляются «стабильными» в том случае, если существуют другие структуры, которые навязывают повторное применение первых. Структуры всегда воплощаются лишь в координировании (ограничении сферы возможного) текущего процесса перехода от одной операции к другой операции. И именно это операционное (коммуникационное) отношение делает возможным эволюцию общественных структур.⁶

Итак, кратко, утверждения о принципах организации и динамики изменения социального порядка звучат так: варьирование (девиация) порождает дифференциацию (отклонение от того, что было обычным прежде). Эта дифференциация требует селекции – выбора в пользу или против инновации. Селекция, если она выбирает новое, в свою очередь с необходимостью запускает каскады приспособительных или ограничительных движений в системе; если же она выбирает сохранение старого, то требуются подтверждения этой опции, поскольку прежде то, что понятно стало контингентным (неизвестным, неопределенным). В процессе варьирования изменяются элементы системы – коммуникации. «Элементы системы воспроизводят отклоняющиеся элементы (коммуникации). Селекция имеет

дело со структурами системы – с направляющими коммуникацию ожиданиями. Руководствуясь отклоняющейся коммуникацией, селекция отбирает такие смысловые отнесения, которые обещают оказаться ценными для выстраивания структур, подходят для их повторного применения и могут оказывать воздействие на процессы образования ожиданий и конденсаций (смысла). Приписывая такие девиантности условиям ситуации, предавая их забвению или даже в явной форме их отклоняя – селекция отбрасывает именно те нововведения, которые представляются непригодными в качестве структур, а значит – в качестве направляющих линий коммуникаций. Рестабилизация характеризует состояние эволюционирующей системы после некоторой успешной – позитивной или негативной – селекции. В ходе дальнейшей эволюции общества функция рестабилизации все больше смещается в ведение подсистем общества, которые должны утвердиться во внутриобщественном внешнем мире»⁷.

На наш взгляд, *суть направления эволюции социального порядка можно заключить в одну фразу Н. Лумана: «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом»*⁸. Н. Луман пишет об опасном движении в сторону новых случайных эффектов накопления и ускорения варьирования (девиации). Он ставит проблему «формулы спасения» для системы общества. Теоретик убежден, что эволюция была и остается непредсказуемой. И память здесь ничего не может изменить. «Она способна лишь различными формами на нее настраиваться, а именно – соглашаясь с коэффициентами ирритации и ускорения, которые проистекают из эволюции. Уже неопостижимая онтологически, сама себя в самой себе локализирующая культура, видимо, и есть та форма, которая изобрела и усвоила память общества ради приспособления конструкций истории и перспектив будущего общества к тем условиям, которые могут проистекать из перехода к первично-функционально-ориентированной дифференциации и из угрожающего коллапса различения стабильности и вариативности»⁹ Становится понятным, почему Н. Луман судит о состоянии общества, исходя из таких переменных как плотность коммуникаций

⁵ См.: там же С. 19

⁶ См.: там же С. 21 – 22.

⁷ См.: там же С. 52 – 53.

⁸ См.: там же С. 66.

⁹ См.: там же С. 209.

или частота или спецификация информационных импульсов. При этом важно, с его точки зрения, учитывать циркулярный характер усиления девиантности.¹⁰

Дополнительные структуры накопления и ускорения варьирования (девиации): письменность и отказ от экстернализации конфликта

В условиях все большей комплексности социальной системы должны иметься дополнительные структуры накопления и ускорения варьирования коммуникации. Н. Луман считает, что в общественной эволюции это осуществляется двояким способом: благодаря такому средству распространения коммуникации как письменность и с помощью усиления потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам в обществе. Усиление потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам происходит благодаря отказу от экстернализации (превращения внутренних, скрытых во внешние, явные) всех конфликтов, как это было характерно для сегментарных примитивных обществ.

Письменность как коммуникация привносит в общество двойной эффект. Коммуникация может оказывать воздействие на больших пространственных и временных дистанциях и высвобождается из-под давления интеракции. Она получает большую свободу как в производстве (написании), так и в восприятии (прочтении). Такое большее распространение создает возможность одним изменениям производить необозримое множество следующих изменений. Растет ненаблюдаемость воздействий, что вызывает к появлению новые институции. Высвобожденные из-под влияния интеракции письменные коммуникации теперь не нуждаются в том, чтобы учитывать мнения присутствующих людей, однако они должны как-то заменить те опоры для понимания, которые прежде состояли в единообразии ситуации. Теперь коммуникация вынуждена эксплицитировать себя более отчетливо и исходя исключительно из текста. Это потребовало вербальных форм нового типа, и, прежде всего, формирования понятий с необозримыми вытекающими последствиями. Н. Луман приводит пример такого изменения. «Пока бог обозначался всего лишь именем, знать которое нужно было, чтобы

мочь к нему обращаться, эта проблема решалась благодаря утаиванию имени. Как только появилось понятие бога, получавшее письменную фиксацию, оно приобрело способность конденсировать опыт, требовать уточнений, требовать рассмотрения проблемы его непротиворечивости – короче говоря, вызывало все то, что стало потом заботой средневековой теологии»¹¹.

Развитие в обществе способности порождать внутриобщественные конфликты и толерантно к ним относиться, с точки зрения Н. Лумана, составляет второе фундаментальное условие для поддержания и усиления девиации. Конфликт тестирует потенциал отклонения. Он приводит к всесторонней интеграции поведения участников, к непрерывному наблюдению наблюдения и тем самым – к интенсивному информационному обмену. Если результат конфликта получает значение «нет», уже можно исходить из того, что конфликт выдержал первое испытание и доказал свою способность утверждаться в коммуникации. И все же конфликты легко выходят из-под контроля и оказывают возмущающее воздействие на внутриобщественный внешний мир. В более ранних обществах насильственные действия среди присутствующих лиц осуществлялись гораздо чаще, чем ныне, и, соответственно, имело место чрезвычайно обременительное подавление, отклоняющее конфликты. Это должно оказывать обратное воздействие на готовность произнести «нет»; ведь если кто-то рискует произвести отклонение, после того как другие уже определились в коммуникации, в коммуникацию входит конфликт. Поэтому в небольших обществах, структура которых еще близка к системам интеракции, подавление конфликтов является жизненно-важным. С ростом населения и возрастанием сложности (сложности) это условие становится все менее жестким.¹² Обратим внимание, что такое положение дел характеризует общество, продуцирующее для коммуникаций сложные условия, которые делают возможным достижение большего числа конфликтов и большего мира одновременно. В целом, эти условия развиваются ввиду трех факторов:

По мере развития политического господства, способного утвердить свой собственный тип коммуникации, возникает возможность усиливать отклонение коммуникативных предложений того или иного

¹⁰ См.: там же С. 30.

¹¹ См.: там же С. 63 – 64.

¹² См.: там же С. 63 – 64.

Информационное обеспечение национальной безопасности

смысла и одновременно снимать с себя бремя вытекающих из этого отклонения возможных конфликтов. Появляется легитимная сила для подавления нелегитимного насилия. Тот, кто распоряжается ресурсами, может сказать «нет», уклоняясь от ожидаемых от него оказания помощи и материальной поддержки, и при этом может не опасаться конфликтов. Он может концентрировать свои ресурсы. Рестабилизация этого достижения происходит благодаря стратификации общественной системы.¹³

Второй фактор заключается в появлении права. Теперь в обществе допускаются конфликты, но одновременно они притупляются благодаря тому, что исход спора определяется социальным регулированием или влиянием третьей стороны. Здесь должны соотнестись процедуры умиротворения спора и, в конечном счете, процесс ориентированного на правила разрешения спора. Н. Луман отмечает, что это производит семантика, осознающаяся как «право». Он приводит пример, когда богатч в любом случае имел возможность вступить в противоречие с предложенным ему любым коммуникативным предложением. Теперь же и бедняк может этим воспользоваться – если, конечно, он прав.¹⁴

Третий фактор характеризует «высокосложностное общество». Он заключается в дифференциации причин конфликтов и тем конфликтов. Н. Луман отмечает, что унаследованные от марксизма бесконечные искания «подлинных» причин конфликта затемняют то, что именно в этой дифференциации причин и тем и состоит эволюционное достижение, поскольку сама система оказывается достаточно большой, чтобы выносить такого рода конфликты (экстернализовать). С расширением возможностей девиации/варьирования происходят особые трансформации семантики. Чем больше допущено возможностей отклонения, тем более важной становится потребность в Неотрицаемом. Религия, если она берет на вооружение достижения теологии, как раз и способствует совершению этого опасного движения. Действительность, которая раньше воспринималась «просто-напросто как то, что не может отрицаться», оказывается творением, всего лишь «видимостью», всего лишь коррелятом сознания. Сегодня же она – как утверждается ныне – всего лишь «конструкция».¹⁵

Семантическая гипертрофия девиации/варьирования – главная угроза упорядоченности системы общества

Н. Луман отмечает, что все, что мы можем наблюдать, состоит в ином виде реакции, а именно – в усилении дифференциации варьирования, селекции и рестабилизации, цикличность которых при радикальных структурных переломах далеко не случайна (таких как распространение легко усвояемой письменности или форм дифференциации общества). Теперь процесс эволюции селекции и ре-стабилизацию противопоставляет варьированию как самостоятельные процессы и тем самым создает более высокую степень свободы в преодолении непонятых или не совсем правильно интерпретированных проблем.¹⁶

Когда традиционные общества сталкивались с давлением увеличивающегося числа возможных девиаций/вариаций, можно было все еще исходить из необходимости для селекции ориентироваться на Единое, Истинное, Благое. И хотя средства достижения этого «единого космоса» могли оказаться ненадежными, цели не могли подвергаться сомнению. Доверие к единственно верной селекции, в конечном счете, определяющей Совершенство, Покой и Стабильность, получала в стратификации и дифференциации на центр/периферию системы общества тайные дополнительные опоры, необходимость которых, по мнению Н. Лумана, сегодня отпадает. «Отныне Новое начинает цениться как таковое, а понятию «критика» придают смысл отклонения критикуемого, при этом «альтернативы» понимаются уже не как чистые опции, а как варианты, которые – и без более тщательной проверки – представляются более предпочтительными, чем нечто наличествующее»¹⁷. *Возникает семантическая гипертрофия варьирования коммуникации. Теперь общество ориентируется на новые способы селекции, которые в перспективе уже не предполагают безоговорочной стабильности. Общество дифференцирует между селекцией и стабилизацией – только потому, что давление со стороны инновации (девиации) усиливается и поэтому должно перерабатываться быстрее* (курсив автора).¹⁸ Селекция и варьирование – разделение данных эволюционных функций обеспечивается уже благодаря тому, что они соотносятся с различными

¹³ См.: там же С. 65.

¹⁴ См.: там же С. 65 – 66.

¹⁵ См.: там же С. 66 – 67.

¹⁶ См.: там же С. 69.

¹⁷ См.: там же С. 69.

¹⁸ См.: там же С. 69.

компонентами системы общества: вариация соотношена с элементами, т.е. с отдельными коммуникациями, а селекция, напротив, – со структурами, т.е. с образованием и приложением процесса ожиданий.

Луман задается вопросом, какие механизмы заботятся о том, чтобы общество заблаговременно настраивалось на одну или другую возможность селекции.¹⁹ В чем состоят способы укрепления средств селекции? Наравне с религией появляются другие способы гетерогенного, но функционально-эквивалентного укрепления средств селекции. Оно состоит в развитии функционально-специфических, символически-генерализированных средств коммуникации (теория генерализированных средств коммуникаций Н. Лумана известна в современной социологической литературе). Селекция, осуществляемая генерализированными средствами коммуникации (власть, деньги, наука и др.) проверяет: можно ли сослаться на истины при осуществлении какого-либо действия и вытекающих из него перспектив; возможно ли профинансировать данную инновацию и достаточно ли власти для ее внедрения вопреки сопротивлению. Если коммуникация – при наличии данных структур – актуализирует отклоняющуюся вариацию, то последняя может уплотняться (или не уплотняться) в новую структуру.

Семантическую гипертрофию варьирования коммуникаций концептуализируют различные теории постмодерна. К примеру, трудно не согласиться с философскими интуициями Ж. Бодрийяра: многообразие коммуникаций и дальнейшее его увеличение становится для сознания не столько эволюцией, сколько симуляцией²⁰. Основной мотив творчества философа – переживание неподлинности мира, данного нам в культурном опыте, его зараженности паразитарными, вторичными, идеологическими смыслами. «Симулякр» – единица ложного, неподлинного смысла, функционирующего в культуре. Действительность в массовом количестве (возрастающем вместе с частотой социальных информационных процессов) вырабатывает самодостаточные, независимые от трансцендентных образцов (ценностей) симулякры и все больше формирует из них жизненную среду современного человека. Ж. Бодрийяр анализирует этот феномен от симуляции (подделки и производства) вещей до симуляции ценностей в

виде абстрактных сущностей, циркулирующих в обществе. С известной точки зрения, симулякры – не что иное, как некоторая ситуация беспорядочного взаимодействия вещей, обусловленная нарастанием информационного потока, особый эффект времени, когда оно утрачивает свой линейный характер, начинает сворачиваться в петли и предъявлять нам вместо реальностей их призрачные, уже отработанные копии. Симулякр – знак или неполная актуализация тех или иных явлений эмпирической реальности. Снятие ограничений и законов, присущих этим явлениям, способно изменять их облик и ход сколько угодно разительно и глубоко, симулируя эти явления и тем самым, позволяя легко усваивать их смысловой системе в виде набора знаков. Поэтому виртуальные практики, осуществляемые посредством «неполной актуализации эмпирической реальности» или симулякров, на вид представляются человеку не менее подлинной и радикальной альтернативой обычному, обыденному порядку существования. Обращение Ж. Бодрийяра к «симулятивному псевдобытию» человека как фиксации неподлинности действительности развивают утверждение о семантической гипертрофии варьирования коммуникации. Коммуникаций становится слишком много для человека размером темпоральности. Своими потоками они приносят в действительность индивида и общества хаос и дезориентацию. Человек и общество не только стремительно утрачивают связь друг с другом, но и обретают неподлинное бытие в условиях гипертрофированной социальной реальности.

С другой стороны, проблема семантической гипертрофии лежит в предметном поле теорий «общества риска» (У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, С. Лэш и др.). Осмысление риска как значимого социального фактора в жизни современного общества, связано с появлением контингентности (неопределенности), к которой приводит все та же семантическая гипертрофия девиации/варьирования. Н. Луман утверждал, что современное общество переживает свое будущее в форме риска решений, для него вопрос об экологии – это вопрос самосохранения общества. Под экологией теоретик понимал «совокупность научных исследований, которые на любом уровне системообразования занимаются последствиями дифференцирования окружающей среды системы и самой системы для окружающей среды»²¹. За

¹⁹ См.: там же С. 79.

²⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / М.: Добросвет, 2000.

²¹ Луман Н. Власть. Пер. с немец. / А. Антоновский. – М.: Практикс, 2001. С. 127.

Информационное обеспечение национальной безопасности

экологическими проблемами неопределенности, отсутствием единой, целостной самореференции общества кроется прогрессирующая функциональная дифференциация современного общества, в основаниях которой лежит ускорение и накопление (уплотнение) девиаций/вариаций. С одной стороны, в обществе возрастают возможности воздействия на окружающий мир. С другой стороны, реагировать на возникшие изменения приходится не тем, кто их вызвал, а функциональным системам, которые считаются для этого полномочными (например, науке или политике). Н. Луман утверждал, что отсутствие в современном функционально дифференцированном обществе авторитетной позиции самонаблюдения ведет к легитимности «коммуникации незнания».²² В контексте наших рассуждений легитимность «коммуникации незнания» – это признание нормой такого состояния общества, где степень дифференциации системы уже не поддается адекватной самореференции и наблюдению второго порядка. В рассматриваемом предметном поле можно дать такое определение риска: риск – это коммуникация незнания.

«Опасное движение» в сторону семантической гипертрофии варьирования продолжается. Объемы накопления и скорость варьирования неуклонно растут. На наш взгляд, суть нарастания опасности заключается в росте потребности коммуникации в Неотрицаемом. «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом»²³. Другими словами, структуры (ограничения возможного) порядка все более уступают девиации/варьированию.

Сетевые коммуникации как потенциальная локализация анонии

Социальная система общества вырабатывает новое, всеобъемлющее средство накопления и ускорения девиации, очередную «формулу спасения» социальной упорядоченности. Считаем, что *рост сетевого коммуникативного пространства дает принципиально новую возможность для реализации потребности в Неотрицаемом*. Сеть составляет новую «формулу спасения» социального порядка. Иначе свою мысль мы бы выразили так: сетевые коммуникации воплощают Неотрицаемое и в этом

смысле спасают упорядоченность общества, локализуя анонию в виртуальном сетевом пространстве. Тем самым система общества пока еще обеспечивает безопасность самое себя.

Мир переживает процесс крушения квазирелигиозных идеологий XX века и возрастание значения свободы личности от социальных структурных ограничений. В этих процессах сложно преувеличить роль сетевого коммуникативного пространства. Приобретающие в данном контексте особую индивидуальную и общественную ценность свойства активного субъекта получают благодаря Сети «резонатор-усилитель необычайной мощности, разгоняющий индивидуальные интенции до всепроникающих скоростей и всемирных масштабов». Сеть становится стимулом и прообразом искомой интеграции: она активизирует коллективные процессы унификации, синхронизации, группового давления и в то же время увеличивает степени свободы индивида, дает непосредственный доступ к коллективному интеллекту, непосредственный выход в надличностное пространство символов, убеждений, коллективных чувств.²⁴

С другой стороны, дальнейшее накопление и ускорение девиации/вариации располагается отныне в виртуальном сетевом пространстве или в пространстве потоков. (М. Кастельс, Д. Иванов) Там же формируются угрозы, новые, информационные, посягающие на безопасность общества, личности и государства.²⁵ Такие стороны современной жизни как соотношение возможностей сетевых коммуникаций с традиционными государственно-политическими структурами, национальными структурами, социально-культурными структурами с одной стороны, и соотношение возможностей виртуального пространства с жизнью отдельного человека, с другой стороны, все более определяют важность Сети для безопасности и развития.

«Сетевые хомячки», «виртуальные странники» порождают сегодня бесконечную вереницу знаков, но не значений. Отсутствие любых препятствий, ограничений ведут к невероятной легкости «знакотворчества». Пользователь в Сети всему открыт, но воспринимает все как знаковую поверхность, не пытаясь даже проникнуть в глубину вещей, в значения знаков. Это приводит в тому, что созна-

²² Луман Н. Понятие риска. // Альманах THESIS, 1994. – № 5.

²³ Луман Н. Эволюция. Пер. с нем. / А. Антоновский. – М.: Издательство «Логос», 2005. С. 66.

²⁴ Пронина Е.Е. Психология журналистского искусства / Е. Е. Пронина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 317 – 318.

²⁵ Владимирова Т. В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Социс № 5. 2011. С. 123 – 129.

ние становится как бы безучастным, лишенным глубины, притупленным ко всему происходящему, но, одновременно, «жадным» до захватывающей эмоции, связанной с выделением своего «Я». Сеть – это и поле «войны всех против всех», где не состоится никогда ни взаимное уничтожение, ни взаимное согласие. Есть «профессиональные революционеры», мы бы сказали, «профессионалы отрицания и протеста». Их формирует «новая техника существования» в Сети, которая характеризуется «внечувственностью» и доступностью, интерактивностью и массовостью. Имена «профессионалов отрицания и протеста» известны, но их идеи и поступки сложно идентифицировать.

Сегодня говорят о формировании гражданского общества в России: будто мощным заделом для этого явилась протестная активность периода выборов начала 2012 года, подготовленная социальными сетями. Сложно не согласиться с подобным утверждением, но, с другой стороны, можно сказать, что то «гражданское общество», которое страна увидела на площадях и улицах Москвы, – это «странное гражданское общество». Складывается впечатление, что это феномен, который возникает не столько от развитого частного и гражданского интереса в российском обществе, сколько является порождением сетевого мира, – мира, культивирующего особое сознание – притупленное, неглубокое и одновременно рафинированное; пресытившееся миром виртуальным, где эмоция условна, и вызывающее к реальной социальной (смысловой) эмоции, утраченной в Сети. Поток этого сознания, разливаются по современному городу. В итоге, наверное, рождаются социальные смыслы и требования, но, одновременно, следом, они же подвергаются дискредитации.

Убеждаешься в словах А. Турена, который утверждал, что программированное общество (так он называет постсовременность) является также, обязательно обществом протеста, воображения, утопии. В этом типе общества все объективное, установившееся, институциональное является все более помехой социальным отношениям, коммуникации. Это объясняет значение, которое имеет в современном социальном мышлении критика, направленная против государства.²⁶

²⁶ Турен А. Рождение программированного общества // Турен А. Возвращение человека действующего: Очерки социологии. – М.: Научный мир, 1998. – С. 128 – 144.

Библиография:

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / М.: Добросвет, 2000.
2. Владимирова Т. В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Социс № 5. 2011. С. 123 – 129.
3. Иванов Д. В. Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 51 – 65.
4. Луман Н. Эволюция. Пер. с нем. / А. Антоновский. М.: Издательство «Логос». 2005.
5. Луман Н. Понятие риска. // Альманах THESIS, 1994. – № 5.
6. Луман Н. Власть. Пер. с немец. / А. Антоновский. – М.: Праксис, 2001.
7. Пронина Е.Е. Психология журналистского искусства / Е. Е. Пронина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
8. Романов О. В. Философия Интернета (генезис и синтез фундаментальных идей). Самара: Перспектива, 2003.
9. Турен А. Рождение программированного общества // Турен А. Возвращение человека действующего: Очерки социологии. – М.: мир, 1998.

References (transliteration):

1. Bodriyyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert' / M.: Dobrosvet, 2000.
2. Vladimirova T. V. Setevyye kommunikatsii kak istochnik informatsionnykh ugroz // Sotsis № 5. 2011. S. 123 – 129.
3. Ivanov D. V. Aktual'naya sotsiologiya: veselaya nauka v poiskakh zlykh istin // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2010. № 3. S. 51 – 65.
4. Luman N. Evolyutsiya. Per. s nem. / A. Antonovskiy. M.: Izdatel'stvo «Logos». 2005.
5. Luman N. Ponyatie riska. // Al'manakh THESIS, 1994. – № 5.
6. Luman N. Vlast'. Per. s nemets. / A. Antonovskiy. – M.: Praksis, 2001.
7. Pronina E.E. Psikhologiya zhurnalistskogo iskusstva / E. E. Pronina. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2002.
8. Romanov O. V. Filosofiya Interneta (genезis i sintez fundamental'nykh idey). Samara: Perspektiva, 2003.
9. Turen A. Rozhdenie programmirovannogo obshchestva // Turen A. Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego: Ocherki sotsiologii. – M.: Nauchnyy mir, 1998.